

Даосы с горы Маошань

**** Е Шаоян — один из самых молодых даосов горы Маошань. Он знает, что большинство странностей неслучайность. Что бы ни вызвало трагедию: злой дух, монстр, порча, очаровательная лиса или оживший князь из Хунаня, юноше все по плечу!

**** Эта история о китайских традициях, верованиях, старой местечковой мифологии. Книга, которая помогает читателю заглянуть за грань.

**** Жанры: боевик, приключения, фэнтези,
хоррор, даосизм

**** Количество глав: 3556

Даосы с горы Маошань
Странный недуг

В тысяче девятьсот восемьдесят восьмом году на пятнадцатый день седьмого месяца по лунному календарю пришелся фестиваль голодных призраков, что также является одним дней поминовения. Ночь полной луны, о которой календарь гласит следующее: «Зло входит в дом, инь ци растет. В этот день не стоит никому завидовать, никого проклинать и начинать важные дела».

В отдаленной горной деревне Ецзя, в уезде Хуайшан провинции Хэнань до сих пор чтят традиции предков. Вечерами люди выходят за порог двора и перед воротами сжигают по две толстые пачки бумажных денег. Одну как жертвоприношение своим предкам, другую для одиноких призрачных душ, что могут пройти мимо. Взяв деньги, они отправятся дальше по своему, только им известному пути и в благодарность не нашлют на дарителей беды.

После сжигания пачек люди наглухо закрывают ворота, окна, двери и рано ложатся спать. Лишь те, кто придерживается буддизма и даосизма, молятся о том, чтобы ночь прошла благополучно, чтобы никто из их семьи не столкнулся с проходящим мимо голодным призраком.

В этот день поздно вечером пошел сильный дождь. Капли били по листьям деревьев, олицетворяя топот ног беспокойных душ, а порывы ветра свистели, напоминая рыдания, нагоняя страх, добавляя жути этой и без того страшной ночи.

На узкой тропинке у околицы деревни, невзирая на ветер и дождь, появилась едва различимая в непогоду фигура. Она вышла из деревни и поднялась на вершину холма, проходя на кладбище. Родовую усыпальницу деревни и семьи

Е, где на протяжении сотен лет несчастные хоронят своих родных и близких. Даже в такую погоду здесь можно увидеть самые разные могилы: с памятниками и без, наполовину порушенные и целые, выглядящие современно и как обычные холмы. И днем заходить сюда занятие не из приятных, а в ночь голодных призраков совсем жутко.

Фигура мирно прошла к могиле без памятника, в изголовье которой воткнули траурную хоругвь, что на ветру раскачивалась подобно руке, пытающегося выползти наружу призрака. Свежая почва и не успевшие выцвести или запачкаться красные гирлянды говорили о свежести захоронения.

— Вторая невестка, сегодня седьмой день траура по твоей душе, время очередного фестиваля голодных призраков. Я пришел, чтобы повидаться с тобой, — фигурой в темных одеждах оказался мужчина лет сорока. Он с минуту разглядывал место захоронения, после чего отвязал от спины красный, шелковый зонт, раскрыл его и воткнул в грязь могильного холма. Создав маленький, защищенный от ветра и дождя участок, он вынул из глубокого кармана три палочки благовония, подпалил ладан и воткнул подношение в грязь под зонтом, после чего, не боясь испачкаться, упал на колени и трижды поклонился холму. Но придя сюда лишь отчасти за этим, встал, достал из-за спины небольшую, складную лопату и принялся раскапывать могилу.

Мягкая, рыхлая, смоченная дождем земля поддалась мужчине, и за двадцать минут тот выкопал длинную яму, на дне которой лежала ярко-красная, словно свежая кровь, гробовая плита. Обычно, гробы в этой местности

окрашивают в темно-красный, непримечательный бордовый цвет, когда же гроб окрашен ярко-красным, значит, усопший почил жуткой смертью. Чем ярче цвет плиты, тем сильнее обида души на жизнь, тем больше от нее нужно защиты.

Ярко-красный, кровавый гроб на дне ямы сковали тридцатью тремя красными веревками. Перевязали его крест-накрест, как сетью, словно опасались, что несчастная душа не покинет тело и вскоре захочет вернуться к живым.

Мужчина поклонился гробу:

— Вторая невестка, я, Дабао, здесь ради того, чтобы помочь тебе, — он вынул из-за пояса длинный нож и с трудом перерезал веревки, после чего поддел и вытащил из крышки семь железных, размером в семь цуней, гвоздей и, давая себе мгновение на передышку, снял плиту. Под ней назвавшийся Дабао мужчина увидел обряженную в белый саван молодую женщину. В свете едва тлеющих благовоний лицо почившей выглядело до жуткого белым. Мертвая, но мутные, как у полежавшей на солнце рыбы, глаза широко раскрыты, а губы искривились. Женщина выглядела обиженной и злой, выглядела дико, а ее тело источало холодную, мрачную энергию инь, так называемое мертвое дыхание.

Мужчина шумно выдохнул. Он готовился к встрече с чем-то подобным, но когда увидел преображенный обидой труп воочию то едва устоял на ногах и сдержал рвотные позывы. Дабао собрался с силами и вновь трижды поклонился женщине:

— Вторая невестка, — голос мужчины отчетливо дрожал, — тебе не повезло умереть на родильном ложе. В тот день смерть унесла две жизни. Но не только она тебя обидела. Люди в деревне

позабыли о мудрости предков, презрели хорошее к тебе отношение и разлучили с ребенком, похоронив вас в разных местах. Сегодня день твоего возвращения, вторая невестка, и я, Е Дабао, отважился исправить это. Я выкопал твое несчастное дитя, чтобы вернуть его в руки матери...

Сглотнув, Дабао отвязал от спины матерчатый сверток, развернул его и показал женщине труп младенца, после чего положил малыша на тело усопшей и, отойдя на несколько шагов, упал на колени. Не смея поднимать лица, мужчина с опаской ждал реакции. И пробрался крупными мурашками, когда шум дождя заглушил истошный женский крик.

Труп женщины с треском, неуклюже сел. Окоченевшие руки с трудом согнулись, прижав к груди холодного младенца. Десять сухих пальцев буквально впились в его спинку. Мутные глаза женщины застыли на теле несчастного младенца, после чего медленно прокручиваясь остановились на Е Дабао. Белые губы почившей растянулись в странной, неестественной улыбке.

Мужчина, заметив, что женщина смотрит в его сторону, трижды ударился лбом о грязь:

— Вторая невестка, я исполнил твое желание, я обязательно верну твою могилу в приличный вид, закопаю твой гроб, так что никто не увидит странного и больше никогда не разлучит тебя с ребенком. За свой труд, вторая невестка, я хочу исполнения своего желания... Пожалуйста!

Договорив, мужчина на коленях подполз к краю могилы, вынул из-за пазухи еще три палочки ладана, подпалил их и протянул к подбородку женщины, фактически тот растапливая. Следом из кармана мужчины появились три сорванных с

бананового дерева листа, которые он скрутил в мешочек, и принялся напевать мантры на древнем, не походящем на китайский, языке.

Женщина вытянула шею и чуть наклонилась, позволяя Е Дабао действовать. Жир из ее тела густыми, тягучими каплями начал собираться в свертке банановых листьев. Банановый лист непростая штука, а сосредоточение природной энергии инь, он не только не испортит трупный жир, но и защитит его от дневной энергии ян. Если для хранения так называемого трупного масла использовать что-то еще, то энергия мертвого тела вскоре рассеется и жир утратит все свои необычные свойства.

Через десять минут в сверток натек густой слой трупного жира. Брови женщины начали медленно сходиться на переносице, из-за чего лицо приобрело поистине ужасающее выражение. Е Дабао, уловив настроение трупа, быстро убрал банановые листья, запечатал их серым жгутом, словно собрался отварить по типу риса цзунцзы и спрятал в карман. В то же мгновение женщина с младенцем на руках медленно откинулась, опускаясь в гроб. Наконец-то, на ее лице показалось удовлетворенная, счастливая улыбка, а изо рта вырвался хриплый вздох облегчения.

— Вторая невестка, теперь твой ребенок с тобой. Через сорок девять дней ты станешь демоном, трупом матери с ребенком и сможешь вернуться в мир живых, чтобы отомстить всем, кому пожелаешь. Я, Е Дабао, только накрою твой гроб и прикопаю землей, чтобы ты могла отдохнуть и набраться сил...

Десять минут спустя мужчина оглядел заново выстроенный курган и, не найдя в том изъянов, в последний раз поклонился могиле, после чего

развернулся и направился прочь с холма.

Через месяц в доме Е Дагуна — деревенского старосты.

На дворе стоял жаркий август, люди по обыкновению, спасались от зноя, раскрывая окна и пользуясь кондиционерами, но в доме старшего, в одной наглухо запертой комнате стояло три раскаленные жаровни, а на кровати завернутый в пуховые одеяла лежал мальчишка, может быть, пять, а может быть, шести лет. Губы ребенка посинели от холода, а сам он бесконтрольно дрожал и постоянно плакал, прося взрослых что-нибудь сделать. Мальчик мучился от неестественного холода.

Е Дагун постоял в натопленной комнате с минуту, пропотел так, что рубаха прилипла к спине, и вышел, плотно затворив за собой дверь. Грузный, высокий мужчина ладонью стер с лица перемешанный с горькими слезами пот.

— Отец... Шаоян, он... — К старосте подошла миловидная, лет двадцати женщина, с такими же, красными, как и у остальных в доме, глазами. Она пришлась ему невесткой и матерью мальчика в комнате по имени Цяююнь.

— Поговорим об этом, когда вернется помощник. — Беспомощно покачал головой Е Дагун. В течение многих десятилетий он трудился местным врачом, но до сих пор не сталкивался с болезнью, что поразила его внука. В течение полумесяца он возил ребенка по окружным, городским, провинциальным больницам, но их специалисты только разводили руками, не в состоянии понять, что же случилось с мальчиком. Так что вскоре Е Дагун начал подозревать неладное, думать, что внук здоров и это какой-то злой наговор

призывает к нему холод.

В дом уже приглашали жрицу, которая совершила ритуал изгнания, но ее действия не возымели никакого эффекта. И сегодня утром Е Дагун послал сына в город, чтобы найти серьезного даоса.

На пороге слышались шаги. Горюющие о судьбе малыша люди вышли в холл и замерли.

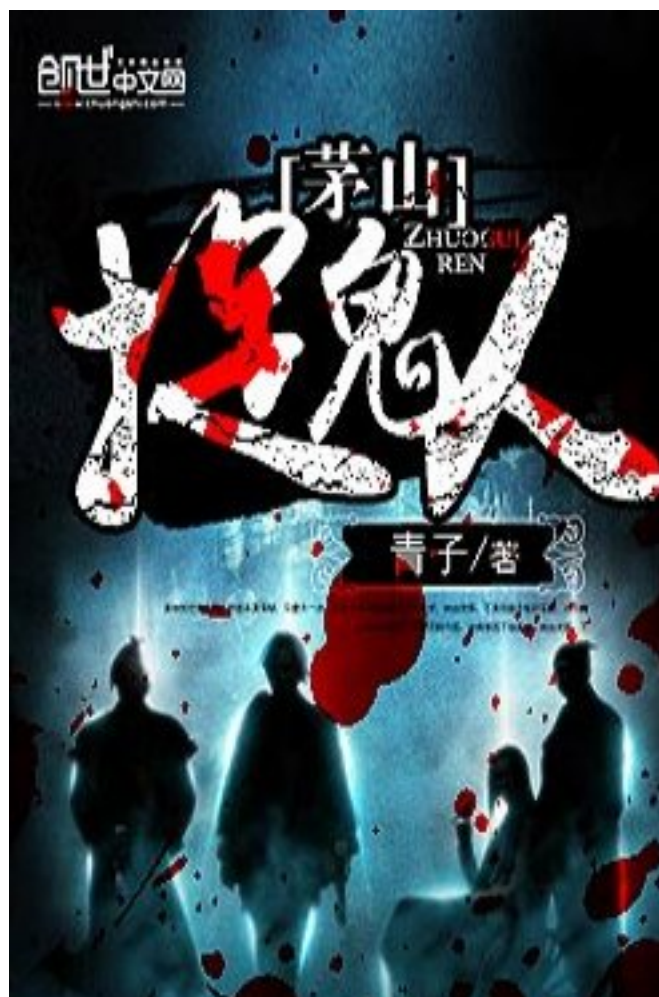
— Это...

— Это даосский мастер, которого я нашел в городе. Он уже слышал о болезни Шаояна, так что сам вызвался приехать и его осмотреть.

— Спасибо, мастер, — сложив руки, поклонился грузный староста, после чего оглядел посетителя с головы до ног. Судя по морщинам и седине в волосах, так называемому даосу можно было дать не меньше шестидесяти лет. Очень худой с тонкими губами старик одет в потрепанный даосский халат. На боку у него висела не менее потрепанная холщевая сумка. Едва переступив порог, старик принялся воровато оглядываться по сторонам, не создавая впечатления таинственного бессмертного монаха.

Е Дагун нахмурился. Он, как никто другой, знал, сколько в наши дни промышляет шарлатанов и все эти монахи и даосы на деле не более чем наживающиеся на чужом горе плуты. Этот тоже не выглядел способным, но раз уж вызвался помочь — так тому и быть. Пусть попробует. Староста отошел в сторону и пригласил даоса в комнату своего несчастного внука.

Даосы с горы Маошань
Последний ученик наставника

Цин Юньцзы едва заметно, отчасти печально улыбнулся:

— Это магия народа мяо, верно?

Мужчина средних лет переменился в лице, пытаясь сделать вид, что не понимает сути разговора.

— Тебе нет нужды притворяться: ты тот, кто вложил младенца в руки мертвой женщины. Ты помог ей превратиться в демона.

— Что? — прозвучало на несколько голосов. Люди разбежались в стороны, боясь коснуться мужчины средних лет, пока тот белел лицом и заикался, не в силах вымолвить ни слова.

Цин Юньцзы покачал головой и обратился к Е Дагуну:

— Этот человек имеет зуб на вашу семью?

Староста глубоко нахмурился и раскрыл рот:

— Его зовут Е Дабао. Он местный плотник. Вся мебель в моем доме сделана его руками. Кстати, два месяца назад ножка изготовленной им кровати неожиданно сломалась и я просил его приехать для починки...

Цин Юньцзы кивнул — дело ясное. Уяснив суть, он равнодушно обратился к Е Дабао:

— Тебе нет нужды притворяться. Я чувствую расходящийся от тебя запах трупного жира. Я не ошибаюсь. Доказательством служат и красные пятна на кончиках твоих пальцев — это след долгой работы с киноварью. В моих суждениях нет ошибок, так что признавайся, что за обида тебя терзает, какую неприязнь ты испытываешь к этой семье, раз рискнул так с ними поступить?

Е Дабао, не выходя из роли, хотел и дальше притворяться дурачком, но в этот момент, жена Е Бина внезапно подбежала к обидчику и принялась того неловко избивать:

— Ты, это ты! Ты сделал это! Ты! Ты! Насколько же жестоко твое сердце?!

Е Дагун вместе с сыном выскочил вперед, и оттащили от плотника бьющуюся в истерике женщину. Всех удивила ее уверенность, поэтому староста аккуратно поинтересовался причиной. Расстроенная женщина — Цяююнь — не посмела ничего утаить. Заплавав горше прежнего несчастная мать поведала историю далекой юности: ни для кого не секрет, что ее семья живет в десятках ли отсюда, а Е Дабао в те года держал в их краях магазин, где продавал привезенную с юга технику. Нередко наведывался он и в район несчастной. Она и сама частенько что-нибудь у него покупала.

Однажды Цяююнь отправилась в горы за дикими овощами и услышала за деревьями болезненный стон. На тот момент еще совсем юная девочка бросилась на звук и нашла укушенного ядовитой змеей Е Дабао. Из рта у того шла пена, а ноги отказывались двигаться. Цяююнь поспешила спуститься с горы и найти травника, чтобы тот спас жизнь мужчины.

Позже Е Дабао пришел к дверям ее дома с благодарностью. Ему пришлось признать в ней сестру. Цяююнь понимала, что последует за ее добрым порывом, поэтому не удивилась, смирилась с происходящим.

С тех пор, приходя в их район для продажи электроники Е Дабао непременно заносил Цяююнь подарки. Время шло, они все лучше узнавали друг друга, все лучше общались. На тот момент девочка с радостью признала в мужчине старшего брата, стала относиться к нему теплее.

Прошло несколько лет. Цяююнь исполнилось не то шестнадцать, не то семнадцать лет.

Постепенно она начала понимать разницу меж мужчинами и женщинами, уразумела, к каким слухам может привести их тесное общение со старшим братом и начала дистанцироваться от Е Дабао.

Еще год или два спустя ее представили семье Е и сосватали за Е Бина. Прознавший об этом Е Дабао, нашел ее во время прогулки в лесу и преподнес золотое кольцо, прося бросить Е Бина и выйти за него.

Цяюнь удивилась, сказала, что ей очень приятно его внимание, но от брака с Е Бином отказываться не собиралась. Е Дабао ее ответ не устроил. Мужчина решил взять ее силой, испортить и жениться сам. Он набросился на девушку, но та вцепилась в его плечо зубами и буквально оторвалась кусок плоти. Так ей удалость сбежать, но не наказать обидчика.

Люди в горных деревнях донельзя консервативны. Цяюнь так боялась, что ее неправильно поймут, что, кроме матери, никому ничего не рассказала. Да и было ли о чем, ведь Е Дабао так и не добился желаемого.

Мужчина еще какое-то время пытался подловить ее в одиночестве, но девушку охраняли старшие рода. Она больше никогда не оставалась одна. Е Дабао не смог притворить свой план в жизнь, сменил карьеру — стал плотником и больше никогда не искал с ней встречи.

— Я думала, время залечило твои раны, что с этим делом давно покончено. Мне и в голову не приходило, что ты окажешься настолько жестоким, чтобы мстить не мне, а моему ребенку! Напрасно... напрасно я тогда спасла твою жизнь! — Гневно выкрикнула женщина и плюнула в лицо Е Дабао.

Услышав чудовищную историю, Е Бин подбежал к плотнику и с силой дернул ткань рубахи, обнажая плечи обвиняемого. На левом плече в самом деле не хватало куска мяса, а неровные края шрама намекали на то, что оставили его зубы.

Доказательства не оспорить. Е Дабао отбросил притворство, а его лицо приобрело серый оттенок.

— Я полагаю, своему колдовству ты обучился, когда промышлял торговлей и ездил по разным деревням, верно? — беспечно предположил Цин Юньцзы. — Она тебя отвергла и ты затаил обиду, это я понимаю, но зачем столько ждал? Почему тянул с отмщением?

— Для благородного мужа и десять лет не срок. Мстить никогда не поздно! — Полный ненависти взгляд Е Дабао упал на прищурившегося Е Бина. Мужчина через стиснутые зубы почти шипел на своего настоящего обидчика. — Ты украл мою жену, а я оставляю тебя без потомков! Пусть все твои дети превратятся в живых мертвецов! Я убью всех, кто тебе дорог! Пусть мой план сработал не так, как я хотел, но демон уже выбрался из могилы, а мальчишка безнадежно отравлен трупным ядом. Так похороните его вместе со мной!

Е Дабао неожиданно закинул в рот что-то похожее на пилюлю и с силой разжевал. В мгновение ока его тело упало на пол, а изо рта пошла пена. Мгновение позже из всех семи отверстий колдуна потекла кровь, а еще через секунду его конечности перестали биться в судорогах. Е Дабао умер.

Собравшаяся в доме часть семейства поразились неожиданной развязке. Все смотрели на Е Дабао с широко распахнутыми глазами и наглухо

сомкнутыми губами. Пусть не сразу, но первым из всех очнулся Е Дагун:

— Вот уж не думал, что он окажется таким злым человеком, — вздохнул староста.

— Жестоко проведение небес. Он долгое время изучал и испытывал на практике темное колдовство. Оно проникло в его суть, заставило растерять человеческую природу, превратило в порочное существо. Как бы иначе он отважился на убийство ребенка? Как бы еще решил, что колдовство лучший способ найти справедливость в обход закона? Небеса все видят, им все известно, они позволили нам встретиться, иначе, рано или поздно вся ваша семья превратилась бы в живых мертвецов, а в селении могла начаться эпидемия.

Трое представителей клана Е упали перед даосом на колени и принялись кланяться, ударяясь лбами об пол:

— Спасибо вам, мастер! Спасибо, что спасли наши жизни, но, молим, будьте милосердны, спасите еще и ребенка!

Цин Юньцзы велел причитающим подняться и проводить его обратно к дому.

Мужчины помогли вынести тело Е Дабао на улицу. Избрав путь самоубийцы, он упростил задачу не только даосу. Цин Юньцзы написал сопровождающий душу талисман, отправляя ее напрямую в загробный мир, не позволяя остаться на земле и творить зло.

Цин Юньцзы вернулся в дом старейшины и прошел в комнату мальчика, внимательно того осматривая, после чего вернулся к шокированной семье:

— Вижу, вы заметили, насколько глубока обида трупа, насколько сильно его масло, что несет еще

и зло навлекшего на вас беду человека. Я не смогу снять порчу так скоро. Для этого мне нужен около года провести в храме. И я не могу остаться у вас. Так уж вышло, что у вашего ребенка талант к совершенствованию духа. Я хочу вернуться на гору Маошань и взять его в ученики, сделать из него маошаньского даоса. Что вы об этом думаете?

Немногочисленные собравшиеся переглянулись. Е Шаоян единственный ребенок в новом поколении, никто не хотел отпускать его на гору. С другой стороны, куда важнее сохранить ему жизнь.

— Уважаемый мастер, скажите, принимая учение даосов, он сможет взять жену и завести детей? — Робко поинтересовалась Цяоюнь. Как мать, больше всего она волновалась о будущем сына.

— Школа Маошань принадлежит к пути чжэньи, так что он сможет завести жену и детей. Пока у него будет такая возможность, он может взять в жены хоть семь, хоть восемь женщин.

Лица родителей прояснились, а Цин Юньцзы втайне порадовался, возвращаясь к своей несколько неординарной манере общения.

— Но ребенок еще не обучен грамоте... — вновь взволновалась мать.

— Ничего страшного. Под горой есть школа. Пусть ходит в нее днем, а ночами возвращается на гору, обучаться у меня даоссокому искусству. Он не упустит ни того, ни другого. Тем более что от вас мне не потребуется ни мао. Я в состоянии вырастить ребенка, обучить его всем необходимым навыкам и вам не придется с ним разлучаться. Соскучившись, вы в любое время сможете приехать на гору и провести с ним время.

Монах сумел убедить родителей мальчика. Никто

не сказал слов против. Довольный освобождением клан Е устроила в честь даоса настоящий пир, а ранним утром Цин Юньцзы оставил старейшине Е свой номер телефона, попросил следить за окрестностями, сообщать ему обо всех странностях, что могут служить деяниями возрожденного демона, после чего взвалил Е Шаояна на спину. Родители без охоты попрощались с сыном, а довольный Цин Юньцзы с учеником на спине покинул деревню Е.